

«Поручик Голицын» и другие

РОМАНСЫ Михаила Звездинского появились в годы хрущевской «оттепели», но уже тогда доступ на официальную эстраду был для них закрыт. Они звучали в московских дворах, подъездах, ресторанах, выходили сотнями тысяч пластинок на Западе, а на Родине имя их автора, композитора и исполнителя, находилось под запретом. И только в 1990 г. уже 45-летнему Михаилу Звездинскому удалось выйти на большую сцену.

— Поговаривают, что вы вернулись из эмиграции...

— Нет, в эмиграции я не был. Последние восемь лет провел в колонии строгого режима в 800 км от Улан-Удэ. В 1980 году перед Олимпиадой Москву «очищали» от диссидентов, а поскольку я был причислен к ним и давно находился «под колпаком» у органов безопасности, то взялись и за меня. Ночной клуб, где я тогда выступал со своей программой, окружили под утро, в операции, как я узнал позже, участвовало более 500 сотрудников МВД. Задержали всех зрителей — около 300 человек и музыкантов. Нас привезли на Петровку, допросили, на следующий день всех, кроме меня, отпустили домой. Мне было предъявлено обвинение в нетрудовых доходах, но, увидев в своем деле визу Щелокова, я понял, что это только повод. После года следствия по обвинению в частнопредпринимательской деятельности («нетрудовые доходы» им не удалось «протащить») я был приговорен к 8 годам заключения в колонии строгого режима с полной конфискацией имущества. Правда, когда я почти отсидел этот срок, Верховный Суд РСФСР заменил

статью, теперь мне вменялось занятие запрещенным промыслом, как вы понимаете, особой радости это не принесло.

Я оказался первым из музыкантов 80-х, кто был репрессирован, за мной последовали руководитель группы «Воскресенье» Алексей Романов, недавно освобожденный свердловский рок-бард Александр Новиков, извела все «преlestи» следственного изолятора Жанна Агузарова.

— Чем все-таки вы были неугодны властям?

— Думаю, своей независимостью. Они лишили меня возможности выступать на эстраде, закрыли путь на радио, телевидение, мои сочинения объявлялись антисоветскими, и на них был наложен негласный запрет, но их знали и пели всюду. В 1966 г. я познакомился с Аркадием Северным. Кстати, Северный — его псевдоним, фамилия — Звездин. Я отдал ему около 50 своих песен, романсов, баллад, и Северный выступал с ними, где мог. В 70-е годы мои песни стали исполнять Токарев, Шуфутинский, Гулько, Могилевский, в разное время уехавшие из страны.

С приходом к власти Брежнева началась эпоха официальной эстрады, даже существовало распоряжение: 80 % репертуара отдавать исполнению песен, авторы которых являлись членами Союза композиторов. У нас это называлось — музыка народная, слова НКВД. Я предпочел остаться свободным художником. Протест свой выразил тем, что ушел из Москонцерта, где до этого времени работал: сначала аккомпанировал «звездам» эстрады — Майе Кристалинской, Гелене Великановой, Иоси-

фу Кобзону, позже играл в вокально-инструментальных ансамблях «Норок» и «Веселые ребята».

У меня уже было написано около семидесяти своих песен и несколько на стихи Набокова, Заболоцкого, Берггольц, Высоцкого. Очень скоро я создал программу и стал показывать ее в подмосковных ресторанах. В ней участвовали Лариса Долина, Лайма Вайкуле, Володя Кузьмин, Саша Серов, иногда пела Алла Пугачева и другие популярные ныне исполнители. Эти рестораны становились популярными ночными клубами, куда съезжались артисты, музыканты, художники, писатели.

— Вы же не могли не понимать, что рисковали?

— Конечно. Но у меня не было иной возможности петь то, что хотел. Разумеется, милиция о нас не забывала, всякий раз, когда блюстители порядка наносили очередной визит, они требовали либо закрыть ресторан, либо заменить программу. Особенно их пугали песни и баллады белогвардейского цикла.

— Я знаю, что знаменитого «Поручика Голицына» вы написали в 16 лет. А чем был вызван ваш интерес к истории белого движения?

— Мой дед был полковником царской армии, бабушка окончила Смольный институт. Родом они из Кракова, в России оказались после польского восстания 1861 года. Дед принял революцию, отказался эмигрировать, а в 38-м году его расстреляли... за дворянское происхождение. Естественно, что в семье об этом много говорилось.

В 9 лет я прочитал «Белую гвардию» и «Вет» Булгакова и пережил настоящее потрясение.

От деда мне остались две старинные гитары, аккорды я знал и под впечатлением прочитанного стал сочинять баллады, сюжетами которых становились какие-то эпизоды из истории гражданской войны. Кстати, в ее сражениях погибло более 100 тыс. русских офицеров, в два раза больше, чем на полях первой мировой войны.

— Вы знаете о том, что ваши песни нередко считали народными или приписывали другим авторам?

— Узнал об этом, когда вернулся. Причем одни песни приобрели новую мелодию, в других изменились несколько слов, иногда строчек. Это произошло потому, что моя фамилия по известным причинам в связи с ними не упоминалась, и песни в худшем случае кто-то присваивал, в лучшем — их считали народными. Но теперь мое авторство зарегистрировано ВААП.

— Многие думают, что Звездинский — это псевдоним.

— Нет, фамилия. По-польски

она звучит иначе — Гвездинский. Гвезда — в переводе на русский — звезда. Отсюда и фамилия Звездинский.

— Сегодня разрешено многое из того, что когда-то запрещалось. На гастроли приезжает Вилли Токарев, на большой эстраде поет Анатолий Днепро... Не боитесь конкуренции?

— Не боюсь. Мы совершенно разные: Токарев и, скажем, Днепро — куплетисты, я — лирик.

— Судя по миллионным тиражам ваших кассет, выпускаемых кооператорами, наступило время, когда вы можете не думать о деньгах?

— Что вы! С этих тиражей я не получаю ни копейки. На долю ВААП приходится 70 %, а остальное куда-то уплывает. Охрана авторских прав в этом смысле несовершенна.

— Я слышала, что сейчас вы снимаетесь в кино и даже написали сценарий. Если не секрет, о чем он?

— На студии «Фора-фильм» я снимаюсь в остросюжетной ленте, где много пою. Что касается сценария, то он — о моей жизни и судьбе, о женщине, которая ждала меня все эти долгие годы.

— Несколько слов о концертной деятельности.

— Зимой состоялся мой дебют на московской сцене, потом были выступления в Ленинграде, Таллинне. Побывал на гастролях в Польше, Венгрии, Чехословакии, ФРГ. Фирма «Мелодия» готовит к выпуску три мои пластинки. С октября в Театре эстрады я буду показывать свою новую программу под названием «Русский клуб».

Беседу вела
Р. РЫКОВА.

Архивировано в 1990-1991 - 21-27 мая (v29) - с. 2